

Раушан Байгужаева

ПРОПИСКА

Город лежал под моими ногами, высился вокруг зданиями, обдавал брызгами фонтанов, ударял в нос запахом шашлыков, манил в прохладу аллей. Но он не был моим городом. Всего за какой-то год, проведенный вдали от него, он стал чужим, ошетинился, отстранился от меня холодным и неприступным словом «прописка». Неприкаянно бродя по его улицам в поисках пристанища, я познала зависть. Я завидовала всем его жителям, которые полноправно спешили куда-то по своим делам, отдыхали на лавках в скверах с памятниками, ели на ходу мороженое, поправляли чепчики на младенцах в колясках. Я завидовала всем кошкам и собакам. Даже бездомным. Как бы им туго ни приходилось в их собачье-кошачьей жизни, они не ведали того самого зловещего слова.

На исходе второго месяца, поняв, что загостились у дяди, я ушла к другим родственникам. Здесь родство было очень дальним, едва отмеченным, но атмосфера – более простой. Три девочки, самой старшей из которых было двенадцать, окружили меня щебетом, напомнив моих сестер. Они активно интересовались содержимым моей косметички, восторгались белой чешской сумочкой с золотистой пряжкой и любили ходить со мной в кино.

Тетя была беременной, ждали мальчика, и это всеобщее ожидание рождало на ее лице некоторую напряженность, словно она боялась провалить главный экзамен своей жизни. Муж ее, дядя Чингис, красивый крупный мужчина, бережно ухаживал за ней, предупреждая каждое желание. Но, несмотря на эти милые обстоятельства, я продолжала чувствовать себя подвешенной между небом и землей. Вождеденная прописка, обеспечивающая право устроиться на работу, а затем – в общежитие, не давала о себе знать даже намеком. Отчаяние периодически посылало мне мысль о бесславном поражении – отъезде обратно, в стены совхоза-техникума, в беспросветно-тоскливое существование в роли преподавателя черчения недорослям с пустыми глазами, для которых этот предмет был чем-то абсолютно недостижимым, как жизнь на Марсе.

Как-то поутру раздался в прихожей звонок, и вскоре дом наполнили веселые голоса. Приехали гости: двоюродный брат дяди Чингиса с женой.

Его звали Амангельды, ее – Юлдуз. Она была узбечкой, и имя ее означало «Звезда». Правда, дядя с тетей называли ее по-казахски – Жулдыз. Он был невысокого роста, подвижный, светлолицый, с искрящимися карими глазами, сочным голосом. Она... она настолько разительно не подходила ему, точно была случайной спутни-

цей. Да, у нее были огромные черные глаза в веере густых ресниц и соболиные брови, но широкий приплюснутый нос и толстые губы сводили на нет всю эту роскошь. Да, зубы ее сверкали, как две нитки жемчуга, но низкий хриплый голос, и особенно смех заставляли забыть об этом совершенстве. К своим тридцати двум годам она уже была довольно грузна, с выступающим животом. Говорила гостя на смеси трех языков: узбекского, казахского и русского. А курчавые короткие волосы ее были кое-как причесаны. Самым же ужасным во всем облике гостя был ее наряд: кримпленовый брючный костюм ядовито-зеленого цвета.

Муж ее оказался военным. Он был не намного старше жены, но уже успел дослужиться до полковника.

Мы с тетей накрыли стол в гостиной. Так вышло, что в это время девочки уехали в Джамбул проведать бабушку.

– Ой, как у вас тесно! – воскликнула Юлдуз, усаживаясь за стол. – У нас в Москве зал был в два раза больше, да, Аман?

Муж мягко возразил:

– Тебе показалось. Конечно, больше, но не в два раза.

Слово «Москва» резануло мой слух, отозвавшись в сердце еще одной завистью, пожалуй, самой болезненной. И даже тот факт, что Амангельды с Юлдуз недавно вернулись из Москвы в Джамбул и ждали нового назначения, не в силах был умалить ее.

– Ну что, Звездочка, где же твои подарки?

Звездочка! Я чувствовала себя мишенью, куда эти гости метко посылали стрелы. И все – в десятку. Юлдуз охнула, хлопнула себя по бокам и поползла в прихожую. Она принесла и поставила на стол глиняную бутылку болгарского вина и коробку конфет. Потом накинула на плечи хозяйки павловопосадский платок с кистями. Тетя осталась довольной подарком, и все сели за стол.

Я хотела было удалиться, но полковник, разливая вино по бокалам, повернулся ко мне:

– Куда вы, девушка?

– Садись, садись, кыз! – потянула меня за руку Юлдуз.

Дядя поддержал их, и я присела на стул рядом с тетей.

– Это Райхан, – представила тетя. – Наши предки были братьями.

Амангельды, сидевший на почетном месте, оказался напротив, и всякий раз, поднимая голову, я встречалась с ним взглядом. В моем измученном мытарствами сердце вдруг освободилось крошечное пространство, куда с каждым взглядом его смешливых карих глаз вливалось нечто волнующее, точно в нескончаемом глухом коридоре неожиданно открылась дверь, куда мне нестерпимо хотелось заглянуть.

После завтрака я мыла посуду, женщины болтали в спальне, а мужчины куда-то отлучились. Со дна каждой тарелки на меня смотрел полковник, но Юлдуз в своем кричащем наряде словно пыталась заслонить его собой.

Зашла тетя и поставила варить конину.

Я осмелилась спросить ее:

– А где они познакомились?

– Да они с детства знали друг друга. Считай, в одном дворе выросли. Когда Аман служил в Германии, мать его боялась, что он привезет немку. Как-то он приехал в отпуск, вот она его быстренько и женила на дочери своей любимой подруги.

– Ужас! – вырвалось у меня. – Как же он согласился?

Тетя улыбнулась:

– Я вижу, она тебе не нравится. А мы к ней привыкли. Она хорошая. А мать ее, тетя Зульфия – такая душевная женщина, последним куском поделится!

Оставив на меня конину, тетя с Юлдуз отправились по магазинам.

Мужчины включили вентилятор и устроились за журнальным столиком играть в преферанс.

– Райхан, не хотите составить нам компанию? – спросил Амангельды, когда я зашла в комнату, чтобы протереть и без того сверкавший чистотой полированный шкаф.

При этом глаза его не выражали ничего, кроме обычного предложения.

Но я все же смутилась и замотала головой:

– Нет-нет! Я не умею играть в карты!

Мужчины засмеялись.

– Чего вы так испугались? – улыбнулся полковник и вдруг потянул носом: – М-м-м, божественный запах! Сто лет не ел конины.

– Райхан, принеси-ка нам пива, – попросил дядя.

– Сейчас! – я выскочила вон и долго искала в холодильнике пиво.

Оно оказалось в ванной. В холодной воде рядами лежали бутылки «Жигулевского». Некоторые из них уже распрощались с этикетками.

Кроме гостиной, где мужчины играли в карты, то и дело взрываясь смехом, меня неудержимо тянуло к зеркалу. Придирчиво оглядев свое осунувшееся лицо, я тщательно прошлась пинцетом по бровям и слегка обвела глаза карандашом. На более смелый макияж не хватило духу. Но и этого было достаточно, чтобы ощутить торжество победы над нелепой женой полковника. Я включила в кухне радио, и полившиеся оттуда звуки «Бесаме мучо» добавили тона моему и без того романтическому настроению.

Не зная, чем еще занять себя, я замесила тесто для бесбармака. Это мое действие было одобрено тетей тотчас по возвращении увешанных пакетами и сумками женщин. Они позвали меня в спальню, чтобы показать покупки. Юлдуз купила себе норковое манто, от которого трудно было оторвать глаза. Оно искрилось темно-бурым мехом, напоминая о какой-то другой жизни: там сновали дорогие автомобили, лилось рекой шампанское, кавалеры падали на колени перед дамами и целовали им руки. Правда, к самой Юлдуз, как мне казалось, это не имело никакого отношения.

– В «Березке» взяла, – сказала она, демонстрируя наряд. – Вот и татешке там туфли купили. Ну-ка, обуйся, тате!

Тетя обулась в осенние чешские туфли с пряжками.

– Такие удобные! – сказала она, улыбаясь. – Прямо нога спит. Спасибо тебе, Жулдызка.

– Да сколько можно благодарить! – хлопнула себя по бокам полковничиха. – А в ЦУМе вашем делать нечего, оказывается, – разочарованно добавила она. – В Ташкенте снабжение лучше.

Потом она показала подарки дядиным дочерям – яркие платья на летний сезон, одно краше другого.

С каждой минутой во мне росло чувство бедной родственницы, грустно взирающей на жизнь приютивших ее благодетелей. В этом чувстве было что-то

детское. Мне невыносимо захотелось домой, к маме, к ее вкусному многослойному хлебу из казана, который можно отрывать мохнатыми ломтями и макать в сливки. К дымному запаху самоварного чая и кудахтанью кур во дворе. К тому сладкому мигу, когда вдруг мама, переглянувшись с отцом, скажет: «Слышь, дочка, мы тут тебе обнову купили. Ну-ка, примерь!» Глаза мои затуманились, и, боясь, что расплачусь, я вскочила и бросилась к двери.

– Куда ты, кыз? – услышала я и обернулась.

Юлдуз протягивала мне какой-то сверток.

– Что это? – спросила я, украдкой проводя по глазам.

– А ты посмотри! – сказала тетя, улыбаясь.

Я развернула бумажный сверток. Там был сарафан с широкими лямками и тремя крупными пуговицами на груди, сшитый по моему любимому фасону «а-ля Наташа Ростова». По молочному полю были небрежно разбросаны никогда не увядающие розовые тюльпаны. Плотный прохладный ситец ласкал руки. На этикетке стояла магическая надпись: «Made in Hungary».

– Ну, чего стоишь? Примеряй! – сказала тетя.

– Это... мне?!

– Конечно, тебе, кыз! – сказала Юлдуз и засмеялась своим хриплым смехом.

– Но я не могу... – растерялась я. – У меня сейчас нет денег...

– Какие деньги, а? Это подарок, тебе говорю!

– Надень, надень! – подбодрила меня тетя.

– Спасибо... – пролепетала я, чувствуя, как сердце мое наполняется непрошеной любовью к этой женщине в чудовищном брючном костюме.

Когда я облачилась в сарафан, передо мной в зеркале стояла уже не забитая комплексами бедная родственница, а стройная, уверенная в себе девушка с сияющими глазами.

– Ой, как хорошо! – зацокала языком Юлдуз, поднимая большой палец.

– Да, тебе в самый раз, – согласилась тетя и добавила с гордостью: – Это я выбрала. Ты же смуглая, этот тон тебя освежает.

– Ну ладно, носи на здоровье! – махнула рукой Юлдуз, рассмеявшись.

Тут в дверь заглянул Амангельды. Он обвел глазами комнату и остановился на каждой из нас, чуть дольше задержавшись взглядом на мне.

Потом заключил:

– Картина называется «Времена года». Только вот весну где-то потеряли.

Мы оглядели друг друга и засмеялись.

– И правда, времена года! – ликовала Юлдуз, как ребенок. – Я – зима, ты – лето, а татешка – осень.

– Весна тоже есть, – сказала тетя, подмигивая гостье. – Где там рубашки твои?

Юлдуз опять хлопнула себя по бокам и полезла в большую сумку. Оттуда она вытащила две рубашки мужчинам.

Потом был роскошный обед с тающими во рту кусками жая и янтарными кружочками казы поверх тончайших лоскутов сочней. Я нарезала огурцы и помидоры, а тетя вскрыла последнюю банку маринованных патиссонов.

И опять я сидела напротив полковника, но теперь – в чудесном сарафане. Мне предложили красного вина, и я не отказалась.

По логике вещей этот сарафан должен был стать непроходимой стеной между мной и гостем и загасить искорки моего нечаянного чувства. Подарив его мне, Юлдуз словно откупалась, делая меня обязанной ей. Ясно было, как божий день, что она купила мне эту вещь просто из щедрости и широты своей души. Скорее всего, гостя и не подозревала об опасности, которая грозила ей с моей стороны. Однако это не меняло дела. Освободить себя из образовавшейся западни я могла, лишь отказавшись от подарка. Но это было нелепо, да и выше моих сил. Я так истосковалась по красивой добротной одежде, которую в заболоченном пространстве застоя можно было приобрести лишь по благу или в последний день месяца, отстояв в километровой очереди. Да и то, если повезет.

Одним словом, логике пришлось ретироваться, насупив брови. И все волшебным образом изменилось.

Все приоритеты поменялись, и теперь Юлдуз не была мне соперницей, и я не испытывала каждый миг уколы зависти и ревности к ней. Она превратилась в мою добрую родственницу, и я больше не замечала ее недостатков, так, как если б я не замечала их в моей сестре. Более того, связь ее с законным супругом казалась чем-то совершенно незначительным или ошибочным, точно она осталась ему просто подружкой детства, с которой они играли в прятки или воровали яблоки в соседском саду. Это позволяло мне воспринимать искрометные взгляды Амангельды как нечто по праву принадлежащее мне.

После сытного пиршества гостям захотелось прилечь, к тому же ночная езда в автобусе порядком растрясла их. Хозяева отвели им комнату в глубине коридора и тоже отправились вздремнуть в свою спальню. Вскоре оттуда донесся могучий храп дяди.

Я порхала в своем сарафане, убирая со стола и таская грязную посуду в кухню. Выпитый бокал вина не клонил меня ко сну, наоборот, он взбудрил и наполнил кипучей энергией все мои члены. А в сердце... в сердце что-то звучало, переливалось и искрилось. И мне больше не требовалось никакой другой мелодии. Я чувствовала, что совсем рядом, в каких-нибудь десяти шагах спит полковник, и я готова была охранять его сон, чтобы потом, по пробуждении, поднести ему фужер холодного пива. И плавать в его ласковых карих глазах, и слушать его насмешливый голос. А Юлдуз... Юлдуз была всего лишь добрая звезда, которая с материнской любовью светила нам. И даже их двое детей, отдохавшие сейчас во всесоюзном лагере «Артек», тоже были юными звездочками, едва мерцавшими на необъятном небосводе жизни.

Вскоре вся посуда была перемыта и сушилась на столе. Я присела в кухне на табурет и стала смотреть на улицу. Там шла обычная летняя жизнь города, где в это время года люди делятся на тех, кто уже завершил отдых, искупавшись в Исык-Куле, Капчагае или Черном море, и тех, кто жил предвкушением его. Кошмарное слово «прописка», которое обычно проявлялось повсюду, как водяной знак, теперь куда-то пропало.

Обнимая живот, вошла тетя. Она грузно опустилась напротив, налила себе воды из графина и стала медленно пить.

– Сними сарафан, испачкаешь.

Я испуганно качнула головой:

– Не испачкаю!

Мне казалось, что, сняв сарафан, я потеряю волшебную власть над жизнью.

Тетя улыбнулась:

– Ты как маленькая. Однажды мы Бахытке купили сандалии. Так она даже спать в них легла.

Я засмеялась от чувства солидарности с маленькой Бахыткой. Мы помолчали.

– Помидоры и огурцы заканчиваются, – заметила я.

– Сходишь на базар? – спросила тетя. – Вечерний базар, можно все купить подешевле. Возьми еще кило винограда. Зелень тоже не забудь.

На базаре все продавцы хотели обслужить меня и уступали все за смешные цены. Возвращалась я с упоительным чувством Красной Шапочки, несущей пирожки бабушке. Сходство это подкреплялось плетеной корзинкой, где под гигантской кистью «муската» живописно лежали в обществе зелени дачные огурцы и помидоры. И так же, как эта наивная деревенская девочка, я не имела ни малейшего представления о том, что ждет меня впереди. Более того, я нашла, что город неузнаваемо изменился! Высокомерно неприступный прежде, теперь он был опять дружелюбным и ласково улыбался мне всеми витринами магазинов, шаловливо обдавал брызгами фонтанов, лукаво подмигивал светофорами. Мне хотелось петь. И я потихоньку пела романс «Очи черные», переделав их в карие.

Дверь мне открыл Амангельды. От неожиданности я вспыхнула и остановилась у входа, потупив взор.

– Кто вы? Лесная фея? – спросил он тихо.

Я молчала, но за меня красноречиво говорило мое сердце, вздымая грудь под сарафаном.

– Ах нет, вы – фея бахчевая, – сказал он тем же приглушенным голосом, отрывая виноградинку и отправляя в рот.

– Он не мытый! – воскликнула я, поднимая глаза.

– Ну и что? Вы боитесь, что я отравлюсь?

Я кивнула, потом качнула головой. Я смешалась. Некто бдительный нашептал мне в ухо, что это обычный флирт бывалого сердцееда. Но я... я готова была слушать его и слушать.

– Аман, кто там пришел? – из кухни, вытирая руки передником, показалась тетя.

– Помощница ваша! – громко объявил Аман, быстро взял корзинку из моих рук и направился к кухне.

– А, это ты. Все купила? – спросила тетя будничным голосом, который никак не вязался с тем, что происходило тут лишь минуту назад.

Я молча кивнула и проскользнула в детскую. Там, в зеркале, на меня посмотрела невероятно красивая девушка с пунцовыми щеками и лучистыми глазами. В самый разгар моего любования ею тот, бдительный, снова проскрипел мне в ухо: «Безобразие! По тебе можно прочесть все твои чувства. Возьми себя в руки!» Но ничто не могло заставить меня подчиниться ему...

Я погрузила виноградную кисть в воду и, перебирая сочные крупные плоды с просвечивающими сквозь мякоть косточками, ждала, пока весь мусор не выплывет на поверхность. Потом осторожно промывала ее вновь, теперь уже под струей ледяной воды. Обычно небрежная в таких делах, как мытье фруктов, тут я буквально священнодействовала. И весь этот ритуал был посвящен одному человеку. Да, я боялась, что он отравится, заболеет и, не дай бог, умрет. В тот час этот человек был для меня главным, он был всем. Средоточием всего самого

прекрасного, что я успела узнать о жизни, моим спасителем, вырвавшим меня из когтей неудач и тоски.

За ужином были только полковник и я. Не хватало лишь традиционных свечей. Он неожиданно изъявил желание пить со мной вино, отказавшись от водки...

За ужином были все, кроме меня и полковника. Дядя с Юлдуз пили водку, а тетя – минералку.

Мне хотелось петь. Мне хотелось танцевать. С ним. Но меня отправили на кухню мыть посуду. А сами сели играть в карты.

Однако, занимаясь мытьем нескончаемой посуды, я все равно пела. И танцевала. С ним. Потом я выключила свет, села у окна и стала смотреть на улицу. Там ярко горели фонари и прожектор, поэтому в комнате было светло.

Дверь открылась, и вошел Аман. Он сел за стол напротив меня.

– Можно мне покурить в вашем обществе? – спросил он тем своим приглушенным голосом, который переворачивал мне душу.

Я кивнула и, приподнявшись на цыпочки, открыла форточку.

– А где они? – спросила я, прислушиваясь к тишине.

– Уснули, – развел он руками.

– Уснули? – не поверила я, косясь на дверь.

– Да, я усыпил их, – сказал он, пожимая плечами.

– Как?!

– Очень просто. Подсыпал им снотворного в чай.

Я засмеялась, это было так весело.

– И что же мы будем делать? – спросила я, ничуть не удивляясь своей смелости.

– А вот что, – ответил он, потушил сигарету и, наклонившись через маленький столик, притянул руками мою голову и поцеловал в губы...

– Райхан! – донесся до меня голос тети. – Иди, ложись в свою постель.

Я хлопала глазами и тупо озиралась кругом. От неудобного положения за столом ныла шея.

Вошла Юлдуз, хохотнула:

– Что, уснула, кыз? Устала, видно. Иди спать... – она зевнула. – Мы тоже пойдем.

– Ой, как я отекала! – сокрушенно вздохнула тетя, осматривая свои ноги. – Скорей бы уж родить...

Юлдуз что-то отвечала ей, но я уже не слышала. Мне хотелось поскорее вернуться в прерванный сон. Чтобы он стал явью, в тот миг я отдала бы самое ценное, что было у меня – золотые серьги, подаренные родителями на двадцатилетие. Но я не знала, кому пожертвовать их. И всю ночь лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к шорохам спящей квартиры. Щеки мои помнили тепло его ладоней, а губы – нежное прикосновение губ. Порой во сне все бывает ярче и реальней, чем наяву. И тем мучительней. Я уснула лишь под утро.

– Вставай, уже одиннадцатый час, – сказала тетя, заглядывая в комнату.

Квартира казалась вымершей. Что-то в ней изменилось, и эта перемена рождала в моем сердце неясную тревогу.

– Ты словно приросла к этому сарафану! – засмеялась тетя, наливая мне чай. – Чингиса вызвали на работу, отдохнуть не дадут.

– А где... гости? – спросила я, присаживаясь за кухонный стол и стараясь придать голосу небрежный тон. – Уехали, что ли?

– Нет. Жулдызка уташила Амана в парк погулять. Завтра уедут.

Завтра! Они уедут завтра! От этой новости сердце мое заныло, наполняясь болью. Она уташила его! От меня!

– Звонила Майра, – сообщила тетя, надкусывая конфетку. (Майрой звали дядину жену.) – Завтра они улетают в Сочи отдыхать. Просила тебя приехать, пожить с детьми и бабушкой. Ой, чуть не забыла! Она сказала, что дядя нашел тебе прописку!

Прописка... Три дня назад я бы подпрыгнула от счастья, расцеловала тетю и волчком закружилась по комнате. Но теперь та, первая весть, заслонила собой весь остальной мир. Она стучала в висках, била дробью по барабанным перепонкам, делала тело ватным.

– Ты что, не рада? – удивилась тетя.

– Нет, почему, рада, конечно...

Тетя внимательно посмотрела на меня своими темными, как омут, глазами. И ничего не сказала.

Я хотела помыть посуду, но она остановила меня:

– Иди, собирайся. Я сама. Там у них какие-то гости к обеду, надо помочь.

Эти слова прозвучали как приговор. Я сняла и сложила в сумку сарафан, потерявший свою волшебную силу. Потом, улучив минуту, проскользнула в зал и нашла там рубашку Амана, висевшую на спинке стула. Я знала, что больше никогда не увижу его, точно он умер или уехал далеко-далеко. И эта рубашка была лишь вещью, напоминавшей о нем. Но она хранила запах его тела, и я жадно прильнула к ней на прощание...

Так и случилось, я никогда больше не видела его. Тетя упорно хранила молчание о нем, а я не осмеливалась спрашивать. Да и в силу дальности родства мы встречались с ней весьма редко.

Это неправда, что новая любовь заменяет прежнюю или даже перечеркивает ее. Для каждой из них в нашем сердце есть особое место, ибо все наши возлюбленные – это грани самого главного Возлюбленного. И, в конце концов, все наши так называемые любви – не что иное, как вечная тоска по той огромной, как галактика, безграничной, необъяснимой, непостижимой Любви, которая не ставит условий и не требует причин. Она всегда живет внутри нас, но мы, слепцы, ищем ее снаружи, и тогда, в беспредельном сострадании к нам, Любовь бросает луч на кого-либо в нашем окружении.

В те далекие дни моей молодости такой луч упал на Амана, чтобы исстрадавшееся сердце мое наполнилось любовью, и я расцвела подобно розе в саду. Только так можно было вытащить меня из омута моих неудач. Нашлась прописка, открывшая мне дорогу к работе и к жизни в любимом городе. И это произошло именно в тот момент, когда мое невинное вначале чувство начало обрастать нитями привязанности, которая могла стать причиной многих страданий.

Все действующие лица этой короткой истории, сами того не ведая, безупречно сыграли свои роли и вывели меня на новую орбиту жизни. Но сердце мое... ах, мое неумное сердце! Оно бережно хранит память о тех днях и волнуется всякий раз, когда звучит «Бесаме мучо», словно это произошло только вчера.

